

I. ЛИНГВОДИСКУРСИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ТРАНСТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 811.112.2

С. Т. НЕФЁДОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИСКУРС: НАПРАВЛЕНИЯ, ШКОЛЫ, МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: дескриптивный анализ дискурса, критический дискурс-анализ, материально-языковой уровень дискурса, когнитивный уровень дискурса, коммуникативно-интеракционный уровень дискурса.

В статье представлен аналитический обзор наиболее влиятельных направлений и подходов в изучении дискурса как многомерного когнитивного, коммуникативно-интеракционного и языкового феномена, выделяемого применительно к практикам социального взаимодействия. При этом в фокусе рассмотрения находятся те аспекты дискурсивной проблематики, которые прошли проверку временем и оказались востребованными в лингвистически ориентированном анализе дискурсивных формаций текстов в немецкой лингвистике. При характеристике представленных подходов акцентируются наследование научных традиций дискурсологии, а также привносимые теоретические инновации в толкование дискурса и в интерпретацию взаимодействия его основных измерений, соотнесенных с коллективным сознанием (знанием), социальной коммуникацией (коммуникативными практиками) и языком (тематическими и функциональными совокупностями текстов).

S. T. NEFEDOV

St. Petersburg State University

DISCOURSE: RESEARCH APPROACHES, ACADEMIC SCHOOLS, METHODOLOGY OF DISCOURSE ANALYSIS

Keywords: descriptive discourse analysis, critical discourse analysis, linguistic discourse dimension, cognitive discourse dimension, interactional-communicative discourse dimension.

This paper presents an analytical review of the most influential concepts and approaches in the study of discourse as a multidimensional cognitive, interactional and linguistic phenomenon in relation to the practices of social interaction. Thereby those aspects of the discourse theories are highlighted which have passed the test of time and are proved to be in demand in the descriptive-oriented analysis of discursive formations in German linguistics. The characteristic of these approaches focuses

on the succession of the scientific traditions in the discourse analysis and on the theoretical innovations introduced in the interpretation of the relationship of the basic discourse dimensions correlated with the collective consciousness (the knowledge), social communication (the communicative practices) and language (the text thematic and functional formations).

Вводное замечание

Полвека истории дискурсивного анализа в гуманитарных науках не привели к консолидации мнений в единую и стройную теорию. Как и прежде, в этой сфере царят безграничный плюрализм теоретических позиций, конкуренция подходов, скрытая борьба направлений за признание в интеллектуальной среде. Поэтому применительно к целям и задачам лингвистики представляемый аналитический обзор наиболее влиятельных концепций дискурсивного анализа может содействовать лучшему пониманию современного состояния дискурсивно-ориентированных исследований и более эффективному внедрению дискурсивной методологии и категорий в повседневную практику лингвистического анализа.

1. Этимология термина *дискурс*. Узкое понимание дискурса

Этимологически слово *дискурс* восходит к латинскому глаголу *discursare*, который вошел в широкое употребление, по-видимому, из военной сферы и первоначально означал «совершать неожиданные, хаотичные рейды по стране», «рассредоточиваться», «разбегаться», «носиться туда и сюда» [37, S.222]. Такого рода повторяющиеся, в известной мере хаотичные физические перемещения в пространстве были метафорически переосмыслены в отношении коммуникативно-речевых действий и по аналогии перенесены на особые способы использования языка. С этих позиций объясняет «дискурсивный» характер речи, например, немецкий литературовед У. Япп, который связывает дискурс с движением мысли и речи в разной перспективе «при рациональном обсуждении положений дел или проблем в реагирующей, аргументативной форме»¹.

---

¹ Ср.: «...die im Hin- und Herlaufen des Redens vollzogene rationale Erörterung von Sachverhalten und Fragestellungen in einer argumentativ verantworteten Form» [27, S.227].

Дискуссия по поводу какой-либо проблемы, предмета или события, при которой речевые субъекты постоянно возвращаются к обсуждению одной и той же темы с разных сторон, может проходить в разных коммуникативных формах. Если такого рода дискуссия имеет место в канонической ситуации синхронного присутствия говорящего и собеседника во времени и пространстве, то это диалог (о понятии «каноническая ситуация» см. [33, S. 288; 12, с. 3]). Соответственно, в такой интерпретации понятие дискурса оказывается в значительной мере синонимичным понятию диалога. Поэтому не случайно исходно, при зарождении дискурсивного анализа в 70-е годы XX века, в англо-американской лингвистике дискурс понимается как устная речь, диалог.

Дискурс как разнонаправленная дискуссия и критическое рассмотрение некоторого проблемного вопроса или объекта может осуществляться и в письменной монологической форме, и тогда это рациональное рассуждение (ср. немецкое обозначение *Abhandlung*). В этом последнем узком смысле дискурсом является, например, трактат Рене Декарта «Рассуждение о методе» (*Discours de la méthode*, 1637).

Указанные выше самые узкие значения термина *дискурс*, весьма близкие к исходному этимологическому смыслу этого понятия, как будет показано в дальнейшем, отнюдь не доминируют в современных дискурсивных исследованиях, а само понимание дискурса претерпело в них существенную эволюцию. Кратко остановимся на основных направлениях дискурс-анализа.

2 . Четыре основные научные традиции понимания дискурса

2.1. Дискурс в англо-американской традиции конверсационного анализа

Дискурс в рамках конверсационного анализа трактуется в узком смысле как диалогическая речь, разговор в естественных ситуациях общения. Своими истоками это направление дискурс-анализа восходит к теориям американских социологов Г. Гарфинкеля и Х. Сакса [22; 35]. Базовыми категориями в этих теориях, согласно немецкому германисту П. Ауэру, являются понятие *индексальности*, т. е. языкового и неязыкового маркирования контекстуальной соотношенности и обусловленности значения употребляемых слов

и выражений, и понятие *рефлексивности*, или фиксированности в употребляемых языковых средствах оценочной в широком смысле позиции речевого субъекта по отношению к социальной действительности [15, S.131–151]. С помощью данных понятий представители конверсационного анализа стремятся выявить устойчивые модели (англ. *patterns*), лежащие в основе естественных диалогов как результата взаимодействия участвующих в интеракции субъектов. При этом акцентируется именно социальная и интеракциональная составляющая диалогического общения: не просто диалог как таковой в естественной «канонической» ситуации, а в контексте межличностного взаимодействия.

Хотя в англо-американской терминологии данный подход принято именовать дискурс-анализом (*discourse analysis*), в лингвистиках других языков он называется по специфическому предмету изучения — описанию разных аспектов диалогического взаимодействия в контексте межличностного общения; ср. в отечественной лингвистике обозначение «конверсационный анализ», а в немецкой лингвистике — «*Gesprächs- und Konversationsanalyse*».

В рамках современного конверсационного анализа, как он, например, проводится в работах фрайбургского профессора П. Ауэра [14; 15], исследуются записи естественных диалогов в специальной транскрипции для их детального анализа на микро- и макроуровнях. К числу таких подлежащих изучению аспектов чаще всего относят:

- грамматическую или прагматическую организацию диалогов в проекции на смену коммуникативных ролей интерактантов; тематическое развертывание диалогических высказываний с выделением интеракциональных и тематико-семантических схем;
- коммуникативные стратегии и правила интеракционального взаимодействия;
- имплицитную информацию и роль общих фоновых знаний при интерпретации диалогического взаимодействия;
- социальную стратификацию диалогических высказываний, в том числе конфликт социальных регистров речи и т. д.

Таким образом, в конверсационном анализе понятие дискурса отождествляется с понятием текста, а именно диалогического текста. Сама дискурсивная методология имеет дескриптивный, ярко выраженный лингвистический характер. При чем конверсацион-

ный анализ как индуктивный метод рассмотрения в перспективе от эмпирических данных к теоретическим обобщениям, занимаясь мельчайшими деталями использования языка вплоть до длительности пауз и силы акцентов, дает точную, надежно верифицируемую информацию о многоуровневой организации диалогов и о способах прагматической интерпретации диалогических взаимодействий при учете всех основных параметров контекстуализации коммуникативного события.

2.2. Этико-прагматический подход: теория «равноправной дискуссии» Юргена Хабермаса

Предлагаемое в подзаголовке русскоязычное название теории дискурса известного немецкого социолога Ю. Хабермаса (в немецком оригинале — *die Theorie des «herrschaftsfreien» Diskurses*) не претендует на абсолютную точность перевода, но наиболее полно передает центральную идею этой теории. Следует заметить, что по своей дискурсивной методологии Ю. Хабермас относится к числу ярких представителей так называемого «критического дискурс-анализа» (о котором подробнее пойдет речь ниже), наряду с другими известными дискурсологами Германии и Австрии, такими как У. Маас, Ю. Линк, З. Егер, Р. Водак. Согласно Ю. Хабермасу, дискурс — это открытое публичное обсуждение («*Diskurs als Debatten in der Öffentlichkeit*») некоторой социально значимой проблемы, направленное на достижение взаимопонимания «спорящих» и отстаивающих свою позицию сторон (контрагентов) через обмен мнениями на основе морально-этического принципа равноправия². Языковым коррелятом такого «критического обсуждения», естественно, выступают устные и письменные тексты.

В своей теории Ю. Хабермас исходно опирается на философию языка и теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля и понимает дискурс как последовательность коммуникативных действий, составляющих определенный способ социального взаимодействия субъектов в рамках той или иной коммуникативной практики. При этом в обобщающих дискурсивную методологию обзорах часто

---

² Ср.: Ein Diskurs ist «verständigungsorientiertes kommunikatives Handeln, das Dissens über einen oder mehrere Geltungsansprüche in der Kommunikation überwindet. Er ist die durch die Argumentation gekennzeichnete Form der Kommunikation... in der problematisch gewordene Geltungsansprüche zum Thema gemacht und auf die Berechtigung hin untersucht werden» [24, S. 130].

отмечается, что теория Ю. Хабермаса несет на себе печать утопического идеализма, поскольку, по сути, предполагает идеализированную коммуникацию, при которой обсуждение «спорной темы» и притязаний субъектов на правоту всегда должно происходить на основе принципа равноправия, без подавления позиции другого авторитетом, более высоким социально-ролевым статусом или каким-либо другим преимуществом, кроме убеждающей силы самих аргументов; ср. [30, S. 159].

Собственно лингвистический анализ текстов дискурса, естественно, в этой теории не предполагается, а сама материально-языковая форма дискурсов принимается по умолчанию. В центр внимания выдвигается идейно-идеологическое измерение дискурсов, т.е. когнитивно-концептуальный уровень коллективно создаваемых, воспроизводимых и изменяемых смыслов и их взаимодействие с социальными структурами общества. Именно с этих позиций теория дискурса Ю. Хабермаса в значительной мере тяготеет к особому направлению в дискурсологии — критическому дискурс-анализу.

2.3. Критический дискурс-анализ

Критический дискурс-анализ (*critical discourse analysis*) — это одно из самых влиятельных направлений среди современных теорий дискурса. Он не является принадлежностью какой-либо отдельной национальной научной школы и существует в форме многообразных параллельных подходов, сложившихся вокруг таких знаковых фигур в дискурсологии, как Н. Фэйерклау [19], П. Бурдьё [3] или Т. ван Дейк [18]. В немецкоязычном социокультурном пространстве видными представителями критического дискурс-анализа являются, как уже упоминалось, Р. Водак [38] и З. Егер [26].

Р. Водак исследует тематически связанные совокупности текстов общественно-политического характера, имеющих заметное влияние на общественное сознание в определенный временной период. В такого рода дискурсивных образованиях ее интересуют прежде всего два уровня организации: уровень представленных содержаний (обсуждаемых тем) и коммуникативно-стратегический уровень аргументативных структур. Эти уровни, по Р. Водак, формируют — благодаря использованным для их реализации языковым средствам — воздействующий потенциал дискурса, и в том

числе влияют на системы ценностей и поведенческие нормы представителей социальных групп и общества в целом.

В свою очередь, З. Егер, вслед за М. Фуко, ставит цель выявить взаимосвязь и взаимовлияние между социальным действием, мышлением и языком/речью в конкретных социоисторических контекстах, которые можно обнаружить только при анализе широких дискурсивных образований. Тематически связанные тексты и части текстов он называет «дискурсивными фрагментами» («Diskursfragmente»), а тематически соотнесенные «дискурсивные фрагменты» образуют, по З. Егеру, «дискурсивные ветви» («Diskursstränge»).

Несмотря на иногда весьма существенные различия в теоретических позициях, большинство теорий критического дискурс-анализа фокусируется на смысловом поле содержаний, коллективно создаваемом и изменяемом в процессе взаимодействия в той или иной коммуникативной практике. Это смысловое поле является своего рода проекцией некоторой социальной реальности, отражающей определенную перспективу рассмотрения социальными субъектами событий, положений вещей, процессов и т. д. [6, с. 10].

Дискурс, таким образом, рассматривается на когнитивном уровне как социально организуемый феномен, который фиксирует в упорядоченных системах смыслов коллективное знание о мире, его отдельных фрагментах. Смоделированные посредством языка структуры знания с элементами власти и доминирования, социального неравенства и дискриминации, идейного и идеологического контроля и т. д. оказывают обратное воздействие на социальные структуры общества и идеологические позиции субъектов коммуникативных практик. Конечная цель критического дискурс-анализа состоит в том, чтобы при учете социального, исторического, политического, культурного и другого контекста вскрыть заложенное в «отношениях между знаками, значениями и контекстуальными условиями, задающими семиотическую структуру дискурса» [20, р. 5], злоупотребление властью, социальным положением, идеологическими установками и пр. Все эти формы социального доминирования становятся возможными благодаря «вживлению» через языковое формулирование устойчивых стереотипов превосходства, идеологических догм, интересов определенных социальных групп.

Таким образом, критический ракурс в обсуждаемом дискурсивном направлении и его название в гуманитарных науках связаны прежде всего со стремлением исследователей вскрыть негативное влияние («власть языка», по М. Фуко) на коллективное и индивидуальное сознание социальных субъектов через формируемые при использовании языка структуры знания, системы ценностей, социальные стереотипы неравенства и превосходства, устоявшиеся в обществе предубеждения.

2.4. Понятие дискурса во французской лингвосомиотической школе. Концепция Мишеля Фуко

С французской лингвосомиотической школой (весьма условное название) обычно связывают таких известных и разносторонних по своим исследовательским интересам ученых-гуманитариев, как Р. Барт, Ж. Женнет, Ж. Деррида, А.-Ж. Греймас, М. Фуко и др. Всех их объединяет общий подход к анализу культурных артефактов, к которым, без сомнения, в первую очередь принадлежат тексты, как к семиотическим системам упорядоченных смыслов. При этом роль языковых знаков, языка и существующих на их основе коммуникативных практик оценивается по их функции в создании сложных структур знания и систем ценностей, коллективных идеологий и картин мира, теоретических позиций и точек зрения, а также по их вкладу в сохранение, воспроизводство и изменение данных смысловых систем.

На указанной теоретической платформе стоит и французский историк, культуролог и философ М. Фуко, идеи которого о дискурсе оказали и продолжают оказывать существенное влияние на современные направления дискурс-анализа. Создал ли он цельную теорию дискурса? На этот вопрос все чаще отвечают отрицательно; см. об этом со ссылками на других исследователей, например, в работе Х. Куссе [31, S. 106]. Но это ни в коей мере не меняет теоретической значимости идей М. Фуко о материальной стороне дискурсов, их социальном бытовании, коммуникативном и когнитивном измерении, а также о целях самого анализа дискурсов. Именно базовые теоретические позиции М. Фуко стали отправной точкой практически всех современных дескриптивных (лингвистически ориентированных) и так называемых критических подходов в дискурс-анализе.

Существует огромная литература, причем в разных областях гуманитарного знания, в которой детально разбирается и критически оценивается вся концептология М. Фуко (см., например, [32; 34]). Поэтому отметим лишь самые основные моменты в дискурсивном подходе М. Фуко, получившие продолжение и развитие в современном лингводискурсивном анализе.

Естественно, никакой лингвистики в прямом смысле в концепции М. Фуко не следует искать. Это скорее новая философия языка — дискурсивная. Язык в форме текстов как «культурно-исторических артефактов» формирует материальную сторону дискурсов и обеспечивает динамику смыслов в «дискурсивных формациях». Именно эта динамика и движущие силы и условия ее порождения интересуют М. Фуко. С лингвистической точки зрения динамика смыслов в дискурсивных формациях обеспечивается через выбор языковых средств и связанную с ним возможность изменять кодирование содержания дискурса в определенной оценочной, идеологической, теоретической и прочей перспективе. Основная цель дискурс-анализа, по М. Фуко, состоит в выяснении того, как функционируют «дискурсивные формации», при каких условиях и на каких принципах, чтобы обладать способностью создавать, хранить и изменять социально релевантные структуры знания, а через них — и структуры общества. При этом упорядоченные системы знаний, представленные в текстах, рассматриваются не как зеркальное отражение ситуаций, положений дел, событий, т. е. «слепки» некоторых фрагментов мира, а как коллективно формируемые в дискурсивных практиках и обладающие поэтому изменчивостью в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Причем общепринятые нормы, выработанные коллективно в ходе исторического развития «дискурсивных практик», имплицитно регулируют, как и о чем нужно и можно высказываться, кто уполномочен это делать. Дискурсивизация структур знания, систем оценок и ценностей, социальных стереотипов поведения, идейно-идеологических диспозиций и т. д. всегда сопряжена, по М. Фуко, с отстаиванием групповых и/или личных интересов, с осуществлением власти и доминирования.

Как будет показано ниже, многие из этих идей М. Фуко были восприняты различными направлениями дискурсивного анализа, получившими распространение в немецкой лингвистике.

3. Дискурсивный анализ в немецкой лингвистике

Изначально изучение дискурса в Германии было ориентировано на критический дискурс-анализ (см. об этом выше в подразд. 2.3). Теоретической доминантой этого направления в дискурсологии, как уже было отмечено, является интерес к когнитивному уровню дискурса: к социально бытующим системам знаний и оценок, к формирующимся и изменяющимся дискурсивным позициям определенных общественных групп, институтов, органов власти, партий, отдельных влиятельных личностей. Во главу угла у многих представителей критического дискурс-анализа была поставлена идея М.Фуко о «власти дискурса», его «руководящей и направляющей роли» в жизни общества и на этой основе сфокусированы морально-этические (см. о теории Ю.Хабермаса подразд. 2.2) и идейно-идеологические аспекты функционирования дискурсов в коммуникативных практиках (см. о подходе Р.Водак и З.Егера в подразд. 2.3).

Дискурсивная концепция М.Фуко оказала существенное теоретическое влияние не только на критический дискурс-анализ, но и на дескриптивно-ориентированные лингвистические подходы к анализу дискурса. Это влияние можно свести к двум основным моментам:

- к сходному толкованию принципов организации дискурсов как тематической и/или функциональной сопряженности текстов, бытующих в определенном социальном историко-культурном пространстве;
- к общей цели дискурсивного анализа, который должен быть направлен на выявление того, как при употреблении языка и благодаря языку формируются коллективная идейная позиция, восприятие объектов, положений дел, ситуаций и событий, т.е. создается некая социальная реальность смыслов, обладающая потенциалом воздействия на деятельность социальных субъектов.

Остановимся на наиболее влиятельных лингводискурсивных подходах в современной немецкой лингвистике.

3.1. Концепция «исторически обусловленной семантики дискурса»

Семантическая интерпретация элементов дискурса является базовой в любом лингводискурсивном исследовании [21, S. 29–30]. При этом дискурсивно-семантический анализ может проводиться

на разных уровнях структурной организации языка: на уровне слова (Wortsemantik), предложения (Satzsemantik), текста (Textsemantik) и собственно дискурса (transtextuelle Semantik) [Там же]. Дискурсивный ракурс означает здесь выявление тех смысловых «приращений», которые идут «от дискурса» и возможны только благодаря дискурсу как целому.

На этих исходных теоретических основаниях в 80–90-е годы XX века сложилась старейшая школа дискурсивной лингвистики в Германии — «историческая семантика дискурса». Она сформировалась вокруг целого ряда немецких лингвистов из Гейдельбергского и Мангеймского университетов, таких как Д. Буссе, В. Тойберт, Ф. Херманнс, и поэтому носит условное название «гейдельбергско-мангеймской исследовательской группы» («die Heidelberg-Mannheimer Forschergruppe») [16, S. 8–10; 30, S. 164–166].

Основная научная гипотеза представителей «исторической семантики дискурса», подлежащая аргументации и верификации через эмпирический материал, заключается в том, что динамика изменений в коллективном сознании тех или иных социальных групп общества объективируется и фиксируется в изменениях значений концептуально важных (ключевых) слов и выражений некоторого предметно-тематического дискурса, которые можно наблюдать и выявлять на протяжении определенного среза времени. В этой связи Д. Буссе пишет об «историческом развитии коллективного сознания, воплощаемом в языке» («eine sich sprachlich manifestierende kollektive Bewusstheitsgeschichte») [17], а Ф. Херманнс — об «истории менталитета» («Mentalitätsgeschichte») [25].

Выявление смысловой динамики в значениях слов и выражений осуществляется при этом в опоре на контекстуально-семантический метод анализа дискурсивных репрезентаций с учетом временной перспективы. Это позволяет описать содержательно-смысловые изменения ключевых слов и обозначаемых ими понятий, а тем самым и динамику в представлениях социокультурного сообщества / его отдельных групп. В целом данная методика включает четыре основных этапа:

- выделение корпуса текстов, манифестирующих определенный предметный срез (тематическую область) некоторой социально-коммуникативной практики;
- дискурсивно-семантический анализ базовых понятий и систем понятий (Begriffe und Begriffssysteme) данной предмет-

- но-тематической области через контекстуальный анализ обозначающих их слов и выражений;
- выявление смысловой динамики в значениях базовых слов и выражений, приобретенных ими в дискурсивном функционировании;
  - аналитические выводы по результатам анализа эмпирического материала о движущих факторах и процессах в историческом развитии «коллективного сознания» в данной предметной сфере.

Благодаря контекстуально-семантическому анализу слов и высказываний с ними и когнитивно-семантическому (дискурсивному) анализу манифестируемых ими понятий и положений дел в их актуально-ситуативной данности можно реконструировать, кроме того, имплицитное знание, т. е. прямо не утверждаемую, но подразумеваемую информацию об устойчивом мнении некоторой сложившейся в социальной группе идейно-идеологической ориентации, интеллектуальной диспозиции и т. д. на определенном историческом срезе, в данном социальном институте или социальной группе.

Вклад представителей «гейдельбергско-мангеймской группы» состоит в том, что они первыми в немецком языкознании подвели под дискурсивный анализ лингвистическую основу и показали один из путей рассмотрения языковых фактов в дискурсивной перспективе.

3.2. Лингводискурсивный анализ «дюссельдорфской школы» во главе с Георгом Штётцелем

К «дюссельдорфской школе» лингводискурсивного анализа относят целый ряд исследователей (М. Юнг, М. Венгелер, К. Бёке и др.), объединенных вокруг их научного руководителя и наставника — Георга Штётцеля, профессора Университета имени Генриха Гейне в Дюссельдорфе. Объектом их анализа стали тексты общественно-политических дискурсов разных временных периодов, существующие в открытом социокультурном пространстве Германии. Коммуникативно-смысловой доминантой таких дискурсов является наличие контroversы (Kontroverse), разногласий во взглядах, и их публичное критическое обсуждение, при котором разные мнения противопоставляются друг другу и каждый из контрагентов приводит аргументы в пользу своей точки зрения.

Один из представителей данной исследовательской школы, М. Юнг, понимает под дискурсом, вслед за Д. Буссе и В. Тойбертом, «конкретный корпус» текстов/высказываний и предлагает, как и З. Егер, дифференцировать дискурсы функционально, в соответствии с коммуникативными сферами, и далее, по коммуникативным практикам в рамках определенной сферы, — на субдискурсы, в которых он на следующем этапе классификации выделяет жанровые типы текстов/высказываний. При этом, в отличие от Д. Буссе и В. Тойберта, которые определяли дискурс текстоцентрически, М. Юнг трактует текст исключительно в когнитивно-содержательном аспекте как «совокупность (смысловых) отношений между тематически связанными комплексами высказываний» («Diskurs als die Gesamtheit der Beziehungen zwischen thematisch verknüpften Aussagekomplexen») [29, S. 461].

Одной из главных целей анализа в исследованиях представителей «дюссельдорфской группы» исходно является, как и у Д. Буссе и В. Тойберта, рассмотрение лексического состава, типичного для определенного типа дискурса и выражающего центральные понятия этого дискурса. Но они ориентируют свой семантико-контекстуальный анализ не на выявление диахронической динамики в значениях слов и выражений, а на их роль в структурах аргументации и в формировании топоса/топосов дискурса [28, S. 153].

Под топосом, как известно, понимают в дискурсологии общие темы и общее консолидированное мнение, которые считаются важными и разделяются определенной социальной группой / всем обществом на каком-то временном отрезке. Топос как общеизвестное и общепринятое содержание объективируется в текстах дискурса через тематически маркированные лексемы, ключевые слова, устойчивые метафорические и фразеологические выражения. По сути, это общие места, темы, общая проблематика дискурса определенного типа. Причем топос и аргументация тесно связаны друг с другом, поскольку каждый аргумент, согласно теории аргументации, содержит и должен опираться хотя бы на одно общепринятое допущение [1, с. 448–450]. Совокупность таких общих коллективных допущений, рассыпанных по текстам дискурсивной формации, составляет коллективное знание, принимаемое как само собой разумеющееся и по умолчанию не подлежащее оспариванию в некотором дискурсивно объединенном сообществе.

Таким образом, анализ топоса и структур аргументации позволяет выявлять типичные дискурсивные позиции акторов дискурса и скрытые системы коллективного знания, коллективных оценок, идейно-идеологических позиций, разделяемых той или иной социальной группой. В отличие от критического дискурс-анализа представители «дюссельдорфской школы» на широком и разнообразном эмпирическом материале разрабатывают и оттачивают методы собственно лингвистического анализа дискурсов.

3.3. «Ольденбургский проект» лингводискурсивного анализа текстов

В конце 1990-х годов в Ольденбургском университете федеральной земли Нижняя Саксония под руководством профессора Клауса Глоя была сформирована рабочая группа исследователей, поставившая цель переосмыслить имеющиеся и найти новые подходы к анализу дискурсов социально-ориентированных коммуникативных практик. Исследования проводились под общей тематикой «Морально-этические дискурсы: практики публичного решения конфликтов» («Ethik-Diskurse: Praktiken öffentlicher Konfliktaustragung») [23, с. 4]. Что касается исходного понимания дискурса, то «ольденбургская группа» в основе своей ориентирована на точку зрения представителей «гейдельбергско-мангеймской школы» Д. Буссе, В. Тойберга, Ф. Херманнса и др. (см. выше, подразд. 3.1), а в более широкой теоретической перспективе — на идею М. Фуко о дискурсах как тематических и функциональных совокупностях текстов, являющихся коррелятами дискурсивных (социальных) практик. Дискурс трактуется как «гипертекст» (Hypertext), и тем самым акцентируются диалогические интертекстуальные связи отдельных текстов, входящих в дискурсивную формацию. Сходство с позицией Д. Буссе и В. Тойберга обнаруживается не только в понимании дискурса как пространства многомерных, нелинейных связей текстов, образующих «сеть» (Netz), но и в ярко выраженном текстоцентрическом подходе, при котором всегда анализируются целостные тексты, даже если семантико-тематическая связь устанавливается с отдельным высказыванием какого-то текста; ср. [17; 25].

Следует подчеркнуть, что дискурсивная методология получила известное развитие в рамках «ольденбургского проекта». Во-первых, пожалуй, впервые была четко обозначена позиция, что дискурсы не являются лингвистическими единицами и не за-

мыкают структурный ряд «фонема — морфема — слово — предложение — текст». В отличие от перечисленных лингвистических единиц дискурсы не обладают качеством структурной стабильности, так как один и тот же текст или текстовое высказывание могут входить в разные дискурсивные формации. Поэтому дискурсы трактуются ольденбургцами как «динамические образования коммуникативных практик», языковые корреляты соответствующих практик. Дискурсы, по К. Глюю, — это «индикаторы исторически конкретных, социальных состояний, мироощущений (менталитета) участников дискурса в рамках определенных коммуникативных практик [23, S. 8]. Во-вторых, в данном подходе большое место занимает когнитивно-психологическая составляющая в интерпретации дискурса. Это проявляется, в частности, в том, что в качестве базовых дискурсообразующих категорий рассматриваются когнитивные категории рецептивности (*Rezeptivität*) и рефлексивности (*Reflexivität*), а сам процесс конституирования дискурса рассматривается как ментально-психологический процесс. В самом общем виде этот процесс описывается как актуализация когнитивно-семантической цепи текстов при восприятии актуального текста, поскольку сознание всегда соотносит поступающую информацию с уже имеющейся информацией о том или ином предмете или событии, полученной из ранее услышанных и прочитанных текстов. Поэтому в понимании представителей «ольденбургской группы» дискурс — это объект, который является результатом анализа, и одновременно объект, который конституируется через восприятие на основе актуализации когнитивных связей как определенных реакций на прежние, выраженные в предтекстах смыслы.

В лингвистическом плане в работах данной исследовательской группы значительное место уделяется фразеологическим и — шире — идиоматическим выражениям, метафорике, прототипической семантике языковых выражений. Сравнение языковой структуры текстов и селективного отбора языковых единиц в них позволяет реконструировать дискурсивные позиции, взгляды, идейно-идеологические предпочтения участвующих в дискурсе акторов и описать процессуальную динамику соответствующей социально-коммуникативной практики.

3.4. Многоуровневая модель лингводискурсивного анализа Юргена Шпитцмюллера и Инго Варнке

В настоящее время предложенная Ю. Шпитцмюллером и И. Варнке [36, S. 121–201] модель лингводискурсивного анализа представляет собой наиболее полную и системную разработку в германистике, получившую широкое применение в практике дескриптивно ориентированных исследований дискурсов различного типа. Исходно предлагается различать три соотнесенных друг с другом уровня анализа: транстекстовый, уровень акторов и интратекстовый (*trans-textuelle Ebene, (Ebene der) Akteure, intratextuelle Ebene*) [36, S. 201]. При этом каждый из уровней предполагает открытый список феноменов одного (сходного) понятийно-смыслового ряда, подлежащих рассмотрению в зависимости от интересов конкретного исследователя и стоящих перед ним задач. Транстекстовый уровень лингводискурсивного анализа, судя по потенциальным объектам изучения, перечисляемым Ю. Шпитцмюллером и И. Варнке в правой стороне схемы, таким как идеология, ментальность, символы социальной культуры, фреймы, топос, интертекстуальность и др., касается когнитивного измерения дискурса, уровня дискурсивных смыслов, их формирования и восприятия. Соответственно, здесь в первую очередь должны быть задействованы методы когнитивной лингвистики, фреймовой семантики, теории контекстуализации и теории интертекстуальности. Интратекстовый уровень обращен к собственно материально-языковой стороне дискурсов и предполагает анализ разноструктурных единиц языка в перспективе «от дискурса» и «в дискурсе» с привлечением в том числе методов традиционных и относительно новых интегративных лингвистических дисциплин. И наконец, уровень акторов — участников дискурса мыслится как связующее звено между описанными выше двумя уровнями, поскольку он частично, эксплицитно или имплицитно, пересекается с ними по объекту и предмету изучения. В целом же уровень акторов затрагивает коммуникативно-интеракционное измерение дискурса, т. е. пространство коммуникативных практик с дискурсивными и интеракционными ролями участников (*Diskurspositionen, Interaktionsrollen*) и коммуникативными формами и типами общения (*Kommunikationsformen, Handlungsmuster, Medialität*).

Таким образом, в рассматриваемой модели лингводискурсивного анализа дискурсы предстают в виде многомерных и многоуров-

невых образований, в которых объемная матрица дискурсивной формации создается взаимодействием и пересечением когнитивного, коммуникативно-интеракционального и материально-языкового измерений дискурса как определенного среза социальной практики.

4. Значение дискурсивного подхода для лингвистики

Границы понятия *дискурс*, подобно расширяющейся Вселенной, стремятся в неуловимую бесконечность, охватывая целые коммуникативные практики, открытые и количественно неопределенные совокупности текстов, любые концептуальные пространства порождения конструирующих и изменяющих социальную реальность смыслов.

Несмотря на размытость и девальвацию понятия *дискурс* в современных гуманитарных науках, оно по-прежнему входит в «топлист» самых востребованных операционных понятий при анализе разнообразных семиотических систем, в том числе знаково-символических, таких как естественный человеческий язык. Теоретическая живучесть и популярность идей дискурса в лингвистике коренится в самих характеристиках этого гетерогенного феномена, а они конгруэнтны современной антропоцентрической парадигме и входят в матрицу когнитивно-коммуникативных исследований принципов взаимодействия людей, использующих язык в различных сферах социальной жизни; о координатах современной лингвистической парадигмы (см. [2; 4; 5; 7]).

Естественно, возникает закономерный вопрос: что конкретно дает лингвистике новая дискурсивная методология с ее ускользающим от формализации объектом и весьма разноплановым и часто далеким от лингвистики предметом? Самый важный и основной вклад дискурсивно-аналитического подхода в собственно лингвистический анализ, по-видимому, состоит в том, что понятие *дискурс* позволило поставить в центр лингвистических исследований социальное измерение текстов и их составляющих вплоть до минимальной билатеральной единицы — морфемы. Социальные параметры жизни общества и различных его групп, организаций, институтов присутствуют в актуальном значении структурных единиц языка в «снятом виде» и поддаются восстановлению через контекстуально-семантический анализ. При этом учет при дискурсивно-

ориентированном рассмотрении таких предельно малых единиц, как морфема, аргументируется тем, что дискурсивная (т.е. транстекстовая, выходящая за пределы отдельного текста) семантика иерархически нижестоящих единиц выявляется на фоне вышестоящих единиц, например дискурсивная семантика слова в проекции на его вклад в смысл предложения, текста, дискурса [21, S. 29]. Соответственно, это означает, что все структурные единицы языка как элементы текстов и их тематических, функциональных, коммуникативно-медиальных и т.д. совокупностей обладают социально маркированными характеристиками. Такие характеристики являются результатом селективного выбора тех или иных языковых средств при наличии альтернативных способов выражения денотативно-предметных содержаний и отражают смысловую перспективу рассмотрения социально значимых объектов, тем, событий, фактов. И более того, выбранная речевым субъектом перспектива никогда не бывает чисто индивидуальной, а в той или иной мере отражает его принадлежность к определенной социальной группе: языковой, культурной, профессиональной, идейно-идеологической, неформальной и т.д. На примере текстов научного лингвистического дискурса этот ракурс анализа был применен автором настоящей статьи к некоторым малочастотным типам языковых средств (интеррогативным и императивным структурам, формам прошедшего времени), а также к средствам эпистемической модальности, актуализирующим социально-коммуникативное измерение профессионального взаимодействия и идейно-теоретическую позицию исследователя [8–11]. В более общем плане можно, таким образом, утверждать, что через употребление языка в определенном дискурсивно-текстовом пространстве может быть познан «человек в языке» [13].

Именно по этой причине, как представляется, понятие *дискурс* приобрело такую колоссальную востребованность в сформировавшихся в последние десятилетия лингвистических дисциплинах, поставивших задачу объяснить на основе интегративной методологии, как и для чего люди используют язык в различных сферах социальной жизни, чтобы продвигать свои личные и коллективные интересы. К таким дисциплинам относятся в первую очередь теория речевых актов, лингвистическая прагматика, разговорный анализ, лингвистика текста, историческая семантика, корпусная лингвистика и др., эмпирической основой исследований

в которых часто выступают дискурсивные формации текстов, объединяемых тематически и функционально. При этом разное понимание дискурса ориентировано в этих лингвистических дисциплинах на их собственные задачи рассмотрения ресурсов языка и научные традиции толкования этого понятия, сложившиеся в разных национальных школах дискурсивного анализа.

Литература

1. *Алексеев, А. П.* Аргументация // Эффективная коммуникация: История, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М. И. Панов; сост. М. И. Панов, Л. Е. Тулина. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. С. 448–450.
2. *Алифиренко, Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009. 416 с.
3. *Бурдье, П.* Социология социального пространства: пер. с фр. / общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.; М.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. 288 с.
4. *Варшавская, А. И., Кожокина, А. В.* От языка человека к человеку в языке // Язык человека. Человек в языке / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2012. С. 7–23.
5. *Демьянков, В. З.* Доминирующие лингвистические концепции конца XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
6. *Йоргенсен, М. В., Филлипс, Л. Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
7. *Маслова, В. А.* Современные направления в лингвистике: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 272 с.
8. *Нефёдов, С. Т.* «Нарративный запрет» в лингвистическом дискурсе // Научное мнение. 2014. № 9. С. 9–19.
9. *Нефёдов, С. Т.* Темпоральная периферия научного текста (ненарративные функции перфекта и претерита) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 1. С. 114–123.
10. *Нефёдов, С. Т.* Функциональный потенциал вопросительных структур в научных лингвистических текстах // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2015. № 4 (28). С. 65–74.
11. *Нефёдов, С. Т.* Дискурсивные функции модальных слов в научной аргументации // Университетский научный журнал. 2016. № 21. С. 34–42.
12. *Падучева, Е. В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
13. *Язык человека. Человек в языке / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой.* СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2012. 240 с.

14. Auer, P. On the Prosody and Syntax of Turn-Continuations // Prosody in Conversation. Interactional Studies / eds E. Couper-Kuhlen, M. Selting. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P.57–100.

15. Auer, P. Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. 2., aktualisierte Aufl. Berlin; Boston: de Gruyter, 2013. 290 S.

16. Bluhm, C., Deissler, D., Scharloth, J., Stukenbrock, A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektive // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 2000. Vol. 86. S. 3–19.

17. Busse, D. Historische Semantik. Analyse eines Programms. Stuttgart: Verlag Klett-Cotta, 1987. 334 S.

18. Dijk, T. van. Discourse and Power. New York: Palgrave MacMillan, 2008. 289 p.

19. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis. London: Longman, 1995. 265 p.

20. Fowler, M. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991. 254 p.

21. Gardt, A. Diskursanalyse. Aktueller theoretischer Ort und methodische Möglichkeiten // Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände / Hrsg. I. Warnke. Berlin; New York: de Gruyter, 2007. S. 23–48.

22. Garfinkel, H., Sacks, H. On Formal Structures of Practical Action // Theoretical Sociology / eds J. C. McKinney, A. Tiryakian. New York: Appleton-Century-Crofts, 1970. P.337–366.

23. Gloy, K. Ethik-Diskurse: Praktiken öffentlicher Konfliktaustragung. Skizze eines Forschungsvorhabens. Oldenburg: Universität Oldenburg, 1998. 146 S.

24. Habermas, J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995. 605 S.

25. Hermanns, F. Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien / Hrsg. A. Gardt, K. Mattheier, K. Reichmann. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 69–101.

26. Jäger, S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. 2. Aufl. Duisburg: DISS, 1999. 258 S.

27. Japp, U. Der Ort des Autors in der Ordnung des Diskurses // Diskurstheorien und Literaturwissenschaft / Hrsg. J. Fohrmann, H. Müller. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1988. S. 223–234.

28. Jung, M., Wengeler, M. Wörter — Argumente — Diskurse. Was die Öffentlichkeit bewegt und was die Linguistik dazu sagen kann // Sprache — Sprachwissenschaft — Öffentlichkeit / Hrsg. G. Stickel. Berlin; New York: de Gruyter, 1999. S. 143–171.

29. Jung, M. Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische theoretische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet / Hrsg. K. Böke, M. Jung, M. Wengeler. Opladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 453–472.

30. Konerding, K.-P. Diskurslinguistik — eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache / Hrsg. E. Felder. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2009. S. 155–177.

31. Kuße, H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 319 S.

32. Raffnsøe, S., Gudmand-Høyer, M., Thaning, M. S. Foucault. Studienhandbuch. München: Fink, 2011. 398 S.

33. Redder, A. Kohärenz und Kohäsion // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. S. 275–294.

34. Ruoff, M. Foucault-Lexikon. Entwicklung — Kernbegriffe — Zusammenhänge. Paderborn: Fink, 2013. 261 S.

35. Sacks, H. A Note on Methodology // Structures of Social Action / Hrsg. M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge: University Press, 1984. S. 21–27.

36. Spitzmüller, J., Warnke, I. H. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; Boston: de Gruyter, 2011. 236 S.

37. Warnke, I. H. Diskurs // Handbuch Sprache und Wissen / Hrsg. E. Felder, A. Gardt. Berlin; Boston: de Gruyter, 2015. S. 221–241.

38. Wodak, R. Aspects of Critical Discourse Analysis // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. 2002. Vol. 36. S. 5–31.

References

1. Alekseev, A. P. Argumentatsiia [Argumentation]. *Effektivnaia kommunikatsiia: Istoriia, teoriia, praktika. Slovar'-spravochnik*. Ed. by M. I. Panov; comp. M. I. Panov, L. E. Tulina. Moscow, Agentstvo «KRPA Olimp» Publ., 2005. S. 448–450. (In Russian)

2. Alifrenko, N. F. *Sovremennye problemy nauki o iazyke: ucheb. posobie [Modern problems of the science of language]*. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 416 s. (In Russian)

3. Burd'e, P. *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]*. Transl. from French, ed. by N. A. Shmatko. St. Petersburg, Moscow, Institut eksperimental'noj sociologii, Aleteiia Publ., 2005. 288 p. (In Russian)

4. Varshavskaia, A. I., Kozhokina, A. V. Ot iazyka cheloveka k cheloveku v iazyke [From the Language of Human to the Human within the Language]. *Iazyk cheloveka. Chelovek v iazyke*. Eds A. V. Zelenshchikov, E. G. Khomiakova. St. Petersburg, Filologicheskii f-t SPbSU Publ., 2012, pp. 7–23. (In Russian)

5. Dem'iankov, V. Z. Dominiruiushchie lingvisticheskie kontseptsii kontsa XX veka [The Dominant Linguistic Theories of the Late 20th Century]. *Iazyk i nauka kontsa XX veka*. Moscow, Institut iazykoznanii RAN Publ., 1995, pp. 239–320. (In Russian)

6. Iorgensen, M. V., Fillips, L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriia i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. Kharkiv, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2004. 336 p. (In Russian)
7. Maslova, V. A. *Sovremennye napravleniia v lingvistike: ucheb. posobie* [Modern Trends in Linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 272 p. (In Russian)
8. Nefedov, S. T. «Narrativnyi zapret» v lingvisticheskom diskurse [Narrative Prohibition in Linguistic Discourse]. *Nauchnoe mnenie*, 2014, no. 9, pp. 9–19. (In Russian)
9. Nefedov, S. T. Temporal'naia periferiia nauchnogo teksta (nenarrativnye funktsii perfekta i preterita) [Temporal Periphery of the Scientific Texts (non-narrative functions of Perfekt and Präteritum)]. *Vestnik of Sankt-Petersburg University. Seres 9. Filology. Vostokovedenie. Journalism*, 2015, no. 1, pp. 114–123. (In Russian)
10. Nefedov, S. T. Funktsional'nyi potentsial voprositel'nykh struktur v nauchnykh lingvisticheskikh tekstakh [On Functional Potential of Interrogative Structures in Academic Linguistic Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2015, no. 4 (28), pp. 65–74. (In Russian)
11. Nefedov, S. T. Diskursivnye funktsii modal'nykh slov v nauchnoi argumentatsii [The Discursive Functions of Modal Words in the Scientific Argumentation]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 21, pp. 34–42. (In Russian)
12. Paducheva, E. V. Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiia govoriashchego [Egocentric Valence and Deconstruction of the Speaker]. *Voprosy iazykoznanii*, 2011, no. 3, pp. 3–18. (In Russian)
13. *Iazyk cheloveka. Chelovek v iazyke* [The Language of Human. The Human within the Language]. Eds A. V. Zelenshchikov, E. G. Khomiakova. St. Petersburg, Filologicheskij f-t SPbSU Publ., 2012. 240 p. (In Russian)
14. Auer, P. On the Prosody and Syntax of Turn-Continuations. *Prosody in Conversation. Interactional Studies*. Eds E. Couper-Kuhlen, M. Selting. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 57–100.
15. Auer, P. *Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. 2., aktualisierte Aufl.* Berlin, Boston, de Gruyter, 2013. 290 S.
16. Bluhm, C., Deissler, D., Scharloth, J., Stukenbrock, A. Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektive. *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht*, 2000, vol. 86, S. 3–19.
17. Busse, D. *Historische Semantik. Analyse eines Programms*. Stuttgart, Verlag Klett-Cotta, 1987. 334 S.
18. Dijk, T. van. *Discourse and Power*. New York, Palgrave MacMillan Publ., 2008. 289 p.
19. Fairclough, N. *Critical Discourse Analysis*. London, Longman, 1995. 265 p.

20. Fowler, M. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London, Routledge Publ., 1991. 254 p.
21. Gardt, A. Diskursanalyse. Aktueller theoretischer Ort und methodische Möglichkeiten. *Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände*. Hrsg. I. Warnke. Berlin; New York, de Gruyter, 2007. S. 23–48.
22. Garfinkel, H., Sacks, H. On Formal Structures of Practical Action. *Theoretical Sociology*. Eds J. C. McKinney, A. Tiryakian. New York, Appleton-Century-Crofts, 1970, pp. 337–366.
23. Gloy, K. *Ethik-Diskurse: Praktiken öffentlicher Konfliktaustragung. Skizze eines Forschungsvorhabens*. Oldenburg, Universität Oldenburg, 1998. 146 S.
24. Habermas, J. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt/M., Suhrkamp, 1995. 605 S.
25. Hermanns, F. Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik. *Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien*. Hrsg. A. Gardt, K. Mattheier, K. Reichmann. Tübingen, Niemeyer, 1995. S. 69–101.
26. Jäger, S. *Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung*. 2. Aufl. Duisburg, DISS, 1999. 258 S.
27. Japp, U. Der Ort des Autors in der Ordnung des Diskurses. *Diskurstheorien und Literaturwissenschaft*. Hrsg. J. Fohrmann, H. Müller. Frankfurt/M., Suhrkamp, 1988. S. 223–234.
28. Jung, M., Wengeler, M. Wörter — Argumente — Diskurse. Was die Öffentlichkeit bewegt und was die Linguistik dazu sagen kann. *Sprache — Sprachwissenschaft — Öffentlichkeit*. Hrsg. G. Stickel. Berlin, New York, de Gruyter, 1999. S. 143–171.
29. Jung, M. Linguistische Diskursgeschichte. *Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische theoretische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet*. Hrsg. K. Böke, M. Jung, M. Wengeler. Opladen, Wiesbaden, Westdeutscher Verlag, 1996. S. 453–472.
30. Konerding, K.-P. Diskurslinguistik — eine neue linguistische Teildisziplin. *Sprache*. Hrsg. E. Felder. Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2009. S. 155–177.
31. Kuße, H. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 319 S.
32. Raffnsøe, S., Gudmand-Høyer, M., Thaning, M.S. *Foucault. Studienhandbuch*. München, Fink, 2011. 398 S.
33. Redder, A. Kohärenz und Kohäsion. *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 1. Halbband. Berlin, New York, de Gruyter, 2000. S. 275–294.
34. Ruoff, M. *Foucault-Lexikon. Entwicklung — Kernbegriffe — Zusammenhänge*. Paderborn, Fink, 2013. 261 S.
35. Sacks, H. A Note on Methodology. *Structures of Social Action*. Eds M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge, University Press, 1984. S. 21–27.

36. Spitzmüller, J., Warnke, I.H. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin, Boston, de Gruyter, 2011. 236 S.

37. Warnke, I.H. Diskurs. *Handbuch Sprache und Wissen*. Hrsg. E.Felder, A.Gardt. Berlin, Boston, de Gruyter, 2015. S.221–241.

38. Wodak, R. Aspects of Critical Discourse Analysis. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2002. Vol. 36. S. 5–31.

Нефёдов Сергей Трофимович

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Nefedov Sergei Trofimovich

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: nefedovst@gmail.com